

Т. А. Драгайкина

Наполеон в оценке М. И. Невзорова

Осмысляется личность и деятельность Наполеона Бонапарта в оценке журналиста и литератора первой четверти XIX в. М. И. Невзорова. Подходя к образу французского императора с точки зрения собственных представлений об истинном величии человека, не совместимом с тягой к завоеваниям и разрушению, М. И. Невзоров в своем журнале «Друг юношества» критиковал те тенденции в культуре, которые способствовали идеализации образа Наполеона и формированию идей «наполеонизма», проблема которого была столь значима для русской классической литературы XIX столетия.

Ключевые слова: М. И. Невзоров; Наполеон Бонапарт; публицистика 1810-х гг.; романтизм.

При наличии ряда обзорных работ, посвященных трактовке образа Наполеона в русской публицистике и художественной литературе¹, представляется небезынтересным рассмотрение его оценки отдельными современниками, в которой отразились воззрения представителей их круга. В данной статье мы кратко рассмотрим подход к оценке этой личности, ее роли в истории и культуре поэта и публициста Максима Ивановича Невзорова (1763–1827).

М. И. Невзоров по своим воззрениям и вкусам во многом оставался всю жизнь человеком восемнадцатого столетия. Он был стипендиатом Дружеского ученого общества. Блестяще окончив Московский университет, он продолжил образование в Европе. Преданный последователь Н. И. Новикова, розенкрейцер, который

---

¹ См.: *Наринский М. М.* Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138 ; *Лобачкова М. Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике, 1799–1815 : автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара, 2007 ; *Амбарцумов И. В.* Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/library/Ambartsumov/part01.html>.

арестовывался по делу московских «мартинистов», был доведен допросами С. И. Шешковского до психического заболевания, он, освободившись из-под следствия, продолжил просветительскую деятельность в духе новиковских обществ. Невзоров был весьма активным журналистом и литератором, претендовавшим на роль наставника нового поколения: вопреки насмешкам многих современников, он отстаивал свою часто не соответствующую духу времени точку зрения, сложившуюся еще в студенческие годы. Для него были характерны склонность к морализаторству, бескомпромиссность в нравственных вопросах, потребность воздействовать на общество, просвещая его, представление о дидактической функции словесности, мистицизм, определенное свободомыслие в религиозных вопросах. В 1805–1815 гг. Невзоров занимал пост директора типографии Московского университета, что, наряду с поддержкой состоятельных единомышленников (М. Н. Муравьева, И. В. Лопухина), позволяло ему издавать собственный журнал, не пользовавшийся особой популярностью, но небезынтересный с точки зрения истории культуры, — «Друг юношества».

Это было одним из первых российских периодических изданий, ориентированных на воспитание молодого поколения. Познавательная функция журнала была во многом подчинена назидательной задаче: из статей естественно-научного и исторического содержания, как правило, следовал моральный вывод. Многие статьи, в том числе переводные, издатель снабжал обширным комментарием. Публиковались в «Друге юношества» и художественные произведения, написанные самим Невзоровым, его единомышленниками, присланные читателями.

Ряд поэтических произведений Невзорова был посвящен войне с Наполеоном и победе над ним. «На случай войны с французами» (Друг юношества, 1812, № 6), «На новый 1814-й год» (Московские ведомости, 1814, № 1), «Ода на чудесные российские победы» (Друг юношества, 1814, № 4, с. 117–124) (в 1814 г. они были изданы отдельной книгой «Три оды»). Трактовка событий Отечественной войны достаточно близка к официальной: захватчики ассоциируются с завоевателями прошедших времен

и действуют «по наглым чертежам Мамая», французский император назван «вечерним новым Чингис-Ханом»; Россия побеждает: в ней «Бог на трон воссел». Русские войска, «как быстрые орлы летали / Они, и всюду галлов гнали: / Дух Божий духом их водил». Воспеваётся благочестивый Александр, «вождь Европы и отец»².

С сентября 1812 по декабрь 1813 г. Невзоров также был издателем «Исторического, статистического и географического журнала, или Современной истории света» в связи с тем, что его постоянный издатель М. Г. Гаврилов ещё не вернулся в Москву после нашествия французской армии. Ряд статей о политической деятельности Наполеона, написанных Невзоровым, был опубликован в сентябрьском и октябрьском номерах этого журнала, представлявшего собой хронику новейших политических событий, претендующую на максимальную полноту освещения происходящего в Европе. Впрочем, присутствовала в журнале и информация о событиях в России. В 1813 г. тексты Невзорова о Наполеоне вышли отдельной книгой под заглавием «Наполеонова политика, или Царство гибели народной».

Разумеется, в сочинении, созданном в период нашествия армии Наполеона, не могло быть положительных оценок каких-либо его качеств и действий. Даже те эпизоды его биографии, в которых его поведение можно было бы трактовать как проявление доблести (например, то, как спокойно он заряжал пушки при осаде Тулона, не обращая внимания на «ужасы смерти»), истолковываются как доказательства его жестокосердия, приводимые автором красноречивые высказывания — как образцы лицемерия. Впрочем, судя по более ранним текстам Невзорова, весьма полно отражающим его воззрения, пересматривать свое мнение о нем ему не приходилось: он не мог одобрять героизации завоевателей и деспотов, а их отдельные прогрессивные нововведения не влияли на его оценку их личностей и места в истории.

---

² Невзоров М. И. Ода на чудесные российские победы // Друг юношества. 1814. № 4. С. 117–124.

Так, безусловно положительной чертой политики Наполеона, с точки зрения масона Невзорова, считавшего необходимым уважение к чужим религиям, являлась его веротерпимость. Однако это качество в Наполеоне он трактует как «по наружности доброе постановление»³, изданное французским императором не из широты взглядов и проповедуемой Евангелием любви к людям, а чтобы привлечь на свою сторону максимально большее число представителей различных конфессий, видит в нем циничное использование религий человеком, их презирающим, лишь «наружно» исповедующим католицизм и мечтающим занять место Бога. Стремлением сыграть на религиозных чувствах народа во многом объясняется и желание Бонапарта быть коронованным папой римским. Все разумное, благое в распоряжениях Наполеона публицист приписывает стремлению «некоторым образом соответствовать проповедуемому о себе мнению». Правда, систему законодательства Наполеона Невзоров описывать не берется (видимо, потому, что плохо знает), но высказывает предположение, что направлена она на благо тирана, а не граждан. Наполеон предстает врагом всего мира, не исключая французский народ.

Многие высказывания о Наполеоне, особенно со стороны дворян, объясняли политику и поступки Наполеона его невысоким происхождением, «диким» корсиканским воспитанием и чуждостью французской нации. Сравнивая Бонапарта с царственными завоевателями минувших веков, его противники расценивали его как неблагородного выскочку, «похитителя престолов» и иногда объясняли его завоевательную политику необходимостью отвлекать внимание подданных на внешние цели, не давая им времени приглядеться к нему и обнаружить его низость. «Законный наследник македонского престола был часто великодушен; Наполеон, ничтожный по породе, еще ничтожнее по душе»⁴. Охотно перепечатывались и сочинения европейских противников Наполеона,

---

³ *Невзоров М. И.* Наполеонова политика, или Царство гибели народной... М., 1813. С. 73.

⁴ Может ли Наполеон не быть завоевателем? // Рус. вестн. 1814. № 5. С. 81–82.

пытавшихся доказать, что он никак не может быть сравним с выдающимися людьми прошлого. «Бонапарте есть ложно-великий человек: он не имеет того великодушия, которое составляет истинных царей и героев. Никто не слышал из уст его ни одного из тех слов, которые показывают Александра и Цезаря»⁵ М. И. Невзоров, выходец из бедной рязанской семьи, духовного сословия, в отличие от многих писавших о Наполеоне сограждан, никогда не ставил Наполеону в вину его происхождение, неоднократно подчеркивая, что качества человека не зависят от его знатности, национальности или морального облика его родителей (в антинаполеоновских памфлетах нередко утверждалось, что его мать была распутной женщиной), а политика следует оценивать по тому, как он распорядился своим могуществом (при этом способ обретения власти представляется менее важным): «Если бы Наполеон, получив в свои руки верховную власть Франции, все свои напряжения и усилия употребил к тому, чтоб неустройства, беспорядки и несчастья, раздиравшие тогда жалости достойное сие государство, прекратить и внести порядок, стройность, благочинность, спокойство и обеспечить бедных граждан в участи своей жизни и имущества: тогда конечно бы он, невзирая на его не очень знатное происхождение, получил имя отца и благодетеля отечества»⁶. Рассказывая о детстве и юности Бонапарта, Невзоров отмечает, как болезненно он переносил намеки на покорение Корсики Францией, и упрекает его в том, что, вместо того чтобы сделать свое отечество свободным, он поработил другие страны, не сдержав и своего долга перед родиной. Таким образом, по Невзорову, оценивать человека следует лишь по его личным качествам и волевым решениям, которые никак не выводятся из происхождения, а «благородные» тираны, такие как упомянутый Шатобрианом Александр Македонский, вовсе не заслуживают большего уважения.

---

⁵ Изображение Бонапарта. Сочинение Шатобриана // Вестн. Европы. 1814. № 10. С. 139.

⁶ *Невзоров М. И.* Наполеонова политика, или Царство гибели народной... С. 47.

Рассматривать статьи, связанные с Наполеоном и Отечественной войной 1812 г., правомернее в общем контексте журналистской политики Невзорова, стремившегося к тому, чтобы его издание было максимально полезно для молодежи.

Например, в статье «Разговор отца с сыном о свойствах великих людей» утверждается, что Александр Македонский «был великий завоеватель, но не великий человек»⁷. В другой статье, напечатанной в этом же издании, публикуется статья о Цезаре — «великом злодее»⁸. По мнению издателя, беседуя с молодежью, необходимо приводить примеры не только положительные, но и отрицательные, уделять внимание и «великим злодеям», и заблуждающимся, разоблачая их и объясняя их поступки. Оценки, которые он давал знаменитым историческим личностям, должны были формировать систему ценностей молодого поколения, которому предназначался журнал, и соответствующее отношение к политическим деятелям современности. В качестве достойных звания великих называются Тит, Траян, Марк Аврелий (именно с ним сравнивается Александр I), также Невзоров причисляет к ним Нуму Помпилия, Регула, Солона, Ликурга, Конфуция, Зороастра. Известные завоеватели изображаются как безрассудные авантюристы, движимые своим беспредельным честолюбием. Наполеон является именно последователем подобных исторических деятелей. Описание его биографии может служить предостережением подобным «горделивцам», «метеорам, зверский бег которых Бог останавливает»⁹.

Как писал Невзоров, Наполеон вдохновлялся опытом «удальцов и прошлецов всех веков», к которым он причисляет «Юлиев Цезарей, Атилл, Иулианов, Тамерланов, Чингис-Ханов, Годуновых»¹⁰. Не исключает он из перечня политиков-авантюристов и «безумного последователя» Александра Македонского Карла XII. По его мнению, мечты о завоевании мира — донкихотство, безумие, а удача иногда сопутствует подобным авантюристам

⁷ Друг юности. 1808. № 2. С. 17.

⁸ Там же. 1808. № 6. С. 74–75.

⁹ Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 82.

¹⁰ Там же. С. 37.

по попущении Божьему для испытания народов или в качестве наказания им за вероотступничество. Он постоянно подчеркивает, что лишь с точки зрения людей, не достаточно твердых в добродетели и не обладающих подлинно глубоким умом, подобная личность может быть привлекательна, но отдает себе отчет в том, что таких людей было и будет немало. Именно поэтому разоблачению таких деятелей, по его мнению, следует уделять особое внимание. Цитируя статью о Вольтере из книги «Французский Плутарх для молодых людей», Невзоров спорит с высказыванием автора, которому критики философа-вольнодумца кажутся «бедными насекомыми, сияющими сдуть с поверхности земли египетскую пирамиду», и патетически восклицает, что предпочел бы быть безвестным насекомым, а не «пирамидой», которую проклинают¹¹. Это высказывание, как нам представляется, в еще большей степени применимо к Наполеону и к тем, кто завидовал его славе (тем более что отношение Невзорова к Вольтеру было не столь однозначным, многие его произведения, в частности трагедии, он ценил). Рассказывая о преследовании Бонапартом свободы печати и о немецком книготорговце И. Пальме, отказавшемся назвать имя автора продававшейся им листовки «Германия в ее глубочайшем унижении» и расстрелянном как военный преступник по собственному распоряжению Наполеона, Невзоров заявляет: «Нельзя... при воспоминании почтеннейшего имени Пальма не сказать, что он в несколько тысяч крат в глазах честных и добродушных христиан более Наполеона; ибо он для спасения жизни ближнего бесстрашно пожертвовал своею, а Наполеон миллионы чужих жизней безжалостно приносит в жертву своему честолюбию»¹².

Истинную силу духа Невзоров видит в победе над собой, в управлении страстями и желаниями. Наполеон же, по его мысли, им поддавался и потакал, а необыкновенные обстоятельства, обусловленные Французской революцией, позволили ему, как и многим другим, ярко проявить свои качества в действии.

---

¹¹ Друг юношества. 1808. № 1. С. 123.

¹² Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 54–55.

В книгу включена также написанная Невзоровым статья «Состояние европейских государств до начала французской войны 1812 года», которая позволяет объяснить успехи Наполеона. Так, незавидное положение Пруссии Невзоров приписывает ее излишней приверженности к вольнодумной «философии осмнадцатого века», сделавшей умы самонадеянными и развратившей нравы. В такой трактовке просматривается скрытое противопоставление ее России, вере ее жителей в Провидение, твердости их духа и любви к Отечеству, позволяющим дать отпор захватчику. Именно восприятие себя как Божественного орудия, остановившего захватчика, приписывание своих побед воле Бога оберегает русский народ от гордыни, которая могла бы охватить победителей.

Не были совершенно чужды экзальтированному Невзорову и представления о Наполеоне-Антихристе; во всяком случае, в его рукописных сочинениях встречается характеристика Александра I как апокалипсического ангела, связывающего Сатану на 1000 лет¹³. В официально печатаемых текстах он, однако, избегает подобных идей, и встречающиеся там выражения типа «чадо князя тьмы» и «совершенно антихристовское действие» (об умерщвлении пленных в Египте) носят риторический характер. Мысль о Наполеоне продолжала его тревожить и после ссылки; так, в письме к А. Н. Голицыну от 10 декабря 1818 г., с которым Невзоров делился своими мистическими переживаниями, он рассказывал, что ему привиделось, что Наполеон бежал с острова Святой Елены¹⁴.

Книга вышла по просьбе и на средства сенатора И. В. Лопухина, орденского наставника Невзорова, его друга и благодетеля, оказывавшего ему материальную и моральную поддержку в издании «Друга юношества». По его же предложению она была снабжена гравюрой, изображающей обнаженного человека с хлещущей изо всех жил кровью с подписью «Плоды Наполеоновой политики» — то, что, по мнению сенатора, Наполеон принес миру.

---

¹³ См.: РО РНБ (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки). Q III. 73. Л. 50.

¹⁴ Там же. Л. 82.

В своей усадьбе Ретяжи в Орловской губернии И. В. Лопухин установил памятники в честь победы над Бонапартом: крест с изображением всевидящего Ока, надписью «Благочестию Александра I и славе доблестей русских в 1812 году» и выдержкой из манифеста императора Александра в Карлсруэ 6 декабря 1813 г.; каменное кресло с вырезанной на нем датой взятия Парижа (19 марта 1814 г.); восьмиконечный крест из необработанных камней с надписью «1814. Вечная память за Отечество на брани убиенным воинам из здешних поселян». И. В. Лопухин отмечал, что после сооружения этих памятников Орлиная пустынь стала еще больше привлекать соседей. Особое символическое значение имела имитация могильного камня, на котором было вырезано «И память вражия погипе с шумом». Подробное описание этих памятников было опубликовано в «Друге юношества»¹⁵. 9 мая 1814 г. И. В. Лопухин устроил в своем имении «похороны Бонапартовой славы» и пригласил соседей «порадоваться на могилу» славы Наполеона. Продуманная им церемония, сопровождавшаяся пальбой из мортир, заключалась в бросании на камень горсти песка со словами «Слава твоя прах и в прах возвращается»¹⁶. Учитывая характерное для XVIII в. тяготение к аллегориям и театрализованным действиям, подобное празднество не так уж эксцентрично.

На наш взгляд, не совсем правомерны упреки А. Г. Суровцева, автора наиболее подробной биографии И. В. Лопухина, в нехристианском и «немасонском» отношении И. В. Лопухина к поверженному врагу¹⁷. Речь шла о победе над врагом страны, а не над личным недругом. Символически похоронено в его усадьбе было отвлеченное понятие, а не реальный человек, остававшийся в то время в живых. В поражении Наполеона современники прочитывали мистический и нравственный смысл, победу подлинных

---

¹⁵ Продолжение Орлиной пустыни // Друг юношества и всяких лет. 1814. № 8. С. 113–128.

¹⁶ Письмо И. В. Лопухина к Д. П. Руничу от 10 мая 1814 г. // Рус. архив. 1870. Стб. 1225.

¹⁷ Суровцев А. Г. Иван Владимирович Лопухин. Его масонская и государственная деятельность. СПб., 1901. С. 109.

ценностей над мнимыми, истинной доблести над ложным блеском. «Часто, при могиле памяти Бонапартовой, беседуют о тщетности славы громкими злодействами приобретаемой, коей у людей низкого звания венцем бывает виселица, а у сильных мечта лавров, омоченных на небо вопиющей кровию; беседуют о бренности ложного величия, коим слабые умы и сердца восхищаются»¹⁸.

Однако, как известно, слава Наполеона не померкла и после его смерти, и восклицания очевидцев разгрома его армии и его окончательного поражения о том, что он заслужит только проклятия потомков, не оказались пророческими. Даже издатель «Русского вестника» С. Н. Глинка, в свое время публиковавший весьма резкие статьи о французах, в автобиографических «Записках» не оспаривает величия Наполеона, называет его «дивным человеком нашего века»¹⁹, цитируя его высказывания²⁰ и признавая за ним определенный авторитет.

На наш взгляд, изменение отношения к Наполеону в России объясняется не только отношением к поверженному врагу и признанием его выдающихся талантов.

В журнале «Друг юношества» в 1813 г. было опубликовано стихотворение известного поэта-сентименталиста Петра Ивановича Шаликова «К моей библиотеке». «История зовет Великим человеком — / Кого? Счастливого злодея на земле, / Тогда, как должно бы сокрыть его во мгле, / Чтобы неведом был в потомстве он далеко, / Или чтоб клятвами оно платило дань / Тому, кто объявил спокойству смертных брань!». Поэт выражает предпочтение добродетельных министров и царей, стремившихся к благу граждан своей страны, однако осознает, что их негромкая слава не прельщает многих: «История! Но ты — ты многих зол виною! / Ты искушаешь сих жестоких гордецов, / Которым тесен свет, — приманкою венцов, / За дерзость наглую даваемых тобою! / Ты любишь блеск и шум! Но скромные дела / Великих прямо душ

---

¹⁸ Продолжение Орлиной пустыни... С. 117.

¹⁹ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 362.

²⁰ Там же. С. 368.

безвестны остаются, / Не ищет их твоя трубящая хвала»²¹. Затрагивается не теряющая актуальности проблема притягательности громкой славы, сомнительной в нравственном отношении.

Отмечая особое внимание Наполеона к истории Карла Великого, Невзоров отмечает: «Не добродетели Карловы, если он их имел, пленяли Наполеона, но власть и завоевания его были для него прелестны»²². Так же и в фигуре Наполеона многих привлекает не столько его гражданский кодекс, сколько образ человека исключительного, которому все дозволено, хладнокровно распоряжающегося судьбами миллионов. Даже самые ярые противники Наполеона, граждане воюющей с ним страны, отказывавшие ему в истинном величии, догадывались о том, что для многих людей его образ будет притягательным, несмотря на печальный конец. Как это ни парадоксально, в стране, победившей Наполеона, нашлось достаточное число его восторженных почитателей.

И. В. Лопухин в статье «Примеры истинного героизма, или Князь Репнин и Фенелон в их собственных чертах» приводит свой любимый исторический анекдот об авторе знаменитого «Телемаха», аббате Фенелоне, который, желая утешить бедного крестьянина, идет в занятую неприятелем деревню, отыскивает и приводит к нему его единственную корову. На этот сюжет И. В. Лопухин намеревался написать пьесу, утверждая, что «Фенелонова корова славнее Наполеона, ищущего славы себе в том, чтоб не оставить на земле ни одной коровы и ни одного человека неголодного, ежели неубитого»²³. По построению фразы заметно, что эта мысль далеко не очевидна для всех. Далее в статье затрагиваются волновавшие автора и его единомышленников этическая и эстетическая проблемы. «Я думаю, что больше бы театр сколько-нибудь полезен был, если б из без сильного потрясения страстей и чувствований предстали на нем и самые простые домашние действия примерной

---

²¹ Шаликов П. К моей библиотеке // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 2. С. 136.

²² Невзоров М. И. Наполеонова политика... С. 56.

²³ Лопухин И. В. Примеры истинного героизма, или Князь Репнин и Фенелон в их собственных чертах // Друг юношества и всяких лет. М., 1813. № 3. С. 21.

добродетели». С точки зрения эффектности, возможности вызывать изумление, производить впечатление биография Наполеона более выигрышна, чем биография Фенелона, как и немалого круга других политических деятелей. Нарождающаяся романтическая эстетика ставила акцент именно на изображении бурных страстей.

Образ Наполеона совершенно вписывался в эстетику романтизма. В эстетической парадигме XVIII в. с ее рационализмом и четким и однозначным разделением добродетели и порока тирания и своеволие не могли быть привлекательными. С точки зрения романтиков, даже откровенный демонизм представлял не пугающим, а привлекательным. Крайний индивидуализм и агрессивное самоутверждение для человека XIX в. стали привлекательными качествами.

Были и попытки внести в противостояние Наполеону аристократический пафос, романтическую приподнятость. Так, М. И. Дмитриев-Мамонов, на которого Невзоров оказал большое влияние, организовал Орден русских рыцарей — своего рода прототип декабристских тайных обществ. Освободительный характер этой организации первоначально был нацелен на противостояние внешнему врагу, отстаивание независимости родной страны. Его красноречивые и патетичные «Краткие наставления Русским Рыцарям» иногда приписывали Невзорову²⁴. В то же время можно говорить о предпосылках к распространению не только гражданской, но и индивидуалистической, «демонической» ветви романтизма, которые весьма беспокоили моралистов.

«Друг юношества» всегда положительно отзывался о произведениях, казавшихся многим читателям старомодными, и исповедовал подход к художественному творчеству, характерный для ушедшего столетия. Вопреки литературной моде, Невзоров пропагандировал творения С. С. Боброва, критиковал популярную легкую поэзию, пьесы Ф. Шиллера и роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера». Невзоров порицает Гете не только как автора «Вертера», оправдавшего самоубийство, но и как «подлого раба

---

²⁴ См.: РО РНБ. Q III. 73. Сочинения и мысли М. И. Невзорова. Л. 1–12.

и льстеца Наполеонова». По его мнению, подлинно мудрый человек не мог бы обмануться сиянием славы Наполеона, разглядев за ним порочность его натуры и его политики. Рассматривая трагедию Ф. Шиллера «Разбойники», Невзоров отмечал, что у немецкого драматурга «воображение повелевает умом, а не служит ему», что в пьесе много неестественного и неправдоподобного, на что не обращают внимания увлеченные патетическими сценами зрители. Он достаточно убедительно доказывал, насколько много в творениях модных писателей прегрешений как против этики, так и против здравого смысла, однако изменить течение литературного процесса он уже не мог. Тенденции, которые он и его единомышленники находили опасными, продолжали развиваться.

Консервативно настроенные читатели могли возмущаться, например, появлением на страницах журнала «Русский инвалид» статьи о Байроне и восклицать, что русскому воину не пристало обращать внимание на «мрачную поэзию англичан и кононавистническую философию немцев»²⁵, что вряд ли могло помешать тем стать властителями дум. Как известно, проблема наполеонизма останется актуальной для многих великих русских писателей XIX в.

---

²⁵ Рунич Д. П. Письмо к издателям «Русского инвалида» от 23 апреля 1820 г. // Рус. старина. 1896. № 10. С. 137–138.